

Хоружая С.В.

кандидат социологических наук,
г. Краснодар

КРИЗИСНАЯ ДИНАМИКА СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

Аннотация:

Автором проводится исследование развития культуры в период духовного кризиса современного общества.

Ключевые слова:

Гарфинкель, Бодрийяр, симулякр, кризисная динамика, смыслы культуры.

Khoruzhaya S.V.

Candidate of Sociology,
Krasnodar

CRISIS DYNAMIC OF CULTURE SENSES

The summary:

The author conducts the study of cultural development during the period of spiritual crisis of modern society.

Keywords:

Garfinkel, Baudrillard, simulacrum, crisis dynamics, culture senses.

На рубеже 80-90-х г. XX века Россия пережила радикальные социальные изменения, состояние глубокой социальной трансформации, затронувшей жизнь каждого россиянина. Обстановка в России конца XX в. характеризовалась глубоким системным кризисом, трансформацией общественных устоев, резкой экономической и социальной поляризацией и дифференциацией, социальной дезорганизацией, низким уровнем личной безопасности и социальной уверенности, идеологической дезориентированностью, состоянием аномии, которые явились питательной средой для роста преступности, распространения наркотических веществ и увеличения потребления наркотиков, развития проституции, суицида, коррупции, политического и религиозного экстремизма, фанатизма и т.д. Очевидно, что многие негативные явления, социальные болезни, захлестнувшие Россию в конце XX в., не исчезли и продолжают рецидивировать и в начале века XXI. Все это находит свое смысловое выражение в кризисной динамике социокультурных процессов в целом, и смыслов культуры, в частности.

Общество, в котором существуют социальные механизмы продуцирования противостоящих друг другу культурных смыслов, различных вариантов иерархического упорядочивания ценностей, идеалов, символических ориентаций и предпочтений, находится в состоянии острого кризиса. В зависимости от того, что признается высшей ценностью в данной структуре, происходит ли отказ от универсальных, в определенной степени трансцендентальных культурных ориентиров, вся остальная система культурных концептов претерпевает существенные изменения.

Кризисная динамика смысла ведет, прежде всего, к разрушению основы для взаимопонимания людей, каковое возможно только через поиск единых мотивов и целей в коммуникативном акте. А.К. Белоусова, например, подчеркивает, что критерием совместной деятельности является наличие области, в которой смыслы и ценности одного участника этой деятельности соответствуют смыслам и ценностям другого, когда каждый участник понимает смысл и ценность собственных действий и действий партнера. Отсюда за общими смыслами должны стоять общие мотивы и цели, предметом которых выступает один и тот же элемент объективной действительности. «Процесс передачи партнеру индивидуальных смыслов назван нами процессом смыслопередачи. Передача смыслов партнеру или смыслопередача осуществляется в значениях, вербальных оценках и невербальными средствами. Смыслопередача направлена на образование общих смыслов предметов, т.е. на формирование общей психологической ситуации совместной мыслительной деятельности... За общими смыслами стоят общие мотивы и цели, предметом которых выступает один и тот же элемент объективной действительности. Таким

образом, общие смыслы предметов есть продукт совместной мыслительной деятельности и одновременно процесс образования общих целей, мотивов, оценок» [1].

Конечно, смысловая интерпретация в процессе повседневных коммуникаций дает весьма широкую возможность нахождения поля взаимного понимания, далекого от логически упорядоченного процесса выведения научного доказательства. В этом плане интересен и показателен эксперимент Г. Гарфинкеля, показывающего действенность принудительного влияния на смысловую интерпретацию и нахождение взаимопонимания. Предполагаемые и санкционируемые социумом ожидания могут принудительным образом формировать общее смысловое поле участников коммуникации. Согласно замыслу эксперимента Г. Гарфинкеля, студенты приглашались на консультацию с представителем «нетрадиционной психотерапии». Ему они должны были рассказать о своих проблемах, а затем задать консультанту 10 вопросов, на которые тот должен был ответить «да» или «нет». Идея эксперимента заключалась в том, что «психотерапевт» давал эти ответы по методу случайных чисел. Оказалось, что несмотря на это, студенты, рассказывая о своих впечатлениях, пытались разыскать некий скрытый смысл в неожиданных противоречивых и путаных ответах. Смысл «организуется» здесь для обеспечения взаимопонимания индивидов, что является методом повседневного общения. «Эти свойства общих пониманий контрастируют со свойствами, которые были бы у них, если бы мы не принимали во внимание их временно установленный характер, а рассматривали их вместо этого как предварительно закодированные вступления барабана памяти, которые нужно принимать во внимание как определенный набор альтернативных значений. Из этих значений следует выбрать одно, в predetermined условиях, говорящих о том, каким из нескольких альтернативных путей надлежало понимать ситуацию при условии, что возникла необходимость принять решение. Последние свойства – это свойства точного рационального разговора в том виде, как они идеализированы в правилах, определяющих адекватное логическое доказательство» [2].

Повседневное общение возможно благодаря размытости, неявности и широкой возможности переинтерпретаций акта коммуникационного взаимодействия. Однако эти возможности не безграничны, что особенно видно на примере образования эмигрантских «гетто», где вынужденно воспроизводится среда повседневного общения, культура, соответствующая родной для эмигранта страны. В лингвосоциологии Т.М. Дридзе обратила внимание на широкую распространенность ситуаций «смысловых ножниц». В самом общем виде они могут быть описаны как ситуации возникновения смыслового «вакуума», вызванного несопадением смысловых «фокусов» в межличностной коммуникации [3].

Смысловой вакуум означает не отсутствие культурных ценностей (общество вне культуры – нонсенс), а потерю членами данного сообщества смысла как культурной формы смысловых взаимодействий, общего поля культурного понимания, разрушение иерархии ценностей, потерю базовых идеалов. В результате возрождаются старые, давно пройденные в ходе исторического развития архаические смыслы культуры, т.е. примитивные, доцивилизационные формы, структурирующие иерархию ценностей и в результате этого изменяющие их содержание. Речь, таким образом, не идет о возрождении архаики в чистом виде, а об архаическом перекодировании существующих ценностей. Индивид в условиях социокультурной катастрофы и возникновения культурного вакуума становится «цивилизованным варваром», использующим, к примеру, как это делали нацисты, достижения передового технического прогресса для реализации первобытного противостояния «мы» и «они». В руках такого варвара уже не каменный топор, при помощи которого вполне санкционировано этосом первобытного племени можно убить «чужака», а газовые печи, концлагеря, в головах же – не первобытные мифы, а неомифология,

антропологические теории превосходства одной расы над другой. Несмотря на содержательные различия, смысл, т.е. способ организации культуры, архаизируется, что дает публицистам право говорить о варварах XX в.

Данные процессы – социокультурной деградации и архаизации – отражаются в «логосфере» культуры, оказывающей, в свою очередь, мощное воздействие на характер развития общества. Термин «логосфера», предложенный в 1975 г. французским структуралистом Р. Бартом, включает в себя язык как средство общения и все формы «вербального мышления», где мысли облекаются в слова. Литературный, т.е. нормативный язык является центральным элементом «логосферы». Коммуникативное пространство культуры базируется прежде всего на нем, ибо именно он транслирует общезначимые смыслы и очерчивает границы «срединной» культуры, объединяющей людей одного народа. В «логосфере» также выделяются ключевые слова культуры, которые имеют особое значение для данной социокультурной общности, ибо фиксируют особенности образа жизни, ценностного мира и менталитета данного народа. Именно через них транслируется, обновляется и сохраняется культурно-значимая информация, осуществляется индивидуализация общенациональных концептов культуры.

Деградационные и архаизированные процессы «зеркальным» образом отражались в «логосфере» российской культуры в кризисные периоды ее развития. Вторжение лексики деклассированных элементов (преступников, бродяг, босяков, беспризорников, нищих и проч.) было связано с глобальными историческими событиями, социальными переменами, идеологическими сломом XX в.: такими как, например, Первая мировая война, две революции 1917 г., гражданская война, НЭП, повлекшие возникновение революционной и, параллельно, мелкобуржуазной идеологии. То, что было на периферии социокультурного мира, анклав варварской архаики, сохранившиеся в уголовном мире с его культом оружия, презрением к производительному труду, преданности «вожаку» и т.п., распространяют свое влияние на социум в целом, где люди «архаической конституции» достигают вполне зримого материального успеха. Социальный жаргон звучит с телеэкранов, в речах политиков и бизнесменов, активно проникает в молодежную среду: базар (базарить) – выяснение отношений, разговор; баян – шприц; болт – перстень-печатка; гасить – бить до потери сознания; гнать – говорить неправду; грузить – утомлять трудно-воспринимаемой речью, внушать что-либо; доход – слабый человек; завалить – убить; замочить – тоже убить; крыша – криминальная поддержка предпринимательской деятельности; кинуть – обмануть; колоть – заставлять кого-либо в чем-либо признаться; мусор – милиционер; наезжать (наезд) – предъявлять требования; опустить – подвергнуть унижению или резкой насмешке; петух – инвектива; плетка – пистолет; приход – начало действия наркотического вещества; стрела (стрелка) – условленная встреча; тереть (перетирать) – разговаривать о делах и т.д.

В литературе и художественной культуре в целом активно разрабатываются темы криминального соперничества, проституции, наркомании. Табуированная сфера социума высвечивается вплоть до рекламных роликов, где продюсируются сведения гинекологического или урологического плана. Архаизация смыслов культуры в коммуникативном пространстве кризисного российского общества связана с определением человека, прежде всего, в коммерческой сфере как сугубо физического индивида, целью жизни которого является удовлетворение естественных потребностей. «Логосфера» в этих условиях приобретает сниженный, приземленный и агрессивный характер.

Особое значение в формировании коммуникативного пространства культуры играют СМИ. Язык СМИ часто сравнивают с закусочной быстрого питания, Мак-Доналдсом, где пища готовится для массовой аудитории, быстро усваивается, «усредняет» людей.

Приготавливаемый СМИ fast food снижает порог критической рефлексии и дает возможность незаметного манипулирования сознанием людей. Господствующая тенденция на TV в настоящее время – это установка на «ломку» литературного языка, языковых норм. Если раньше СМИ служили примером уровня речевой культуры, способствовали его повышению, то в настоящее время СМИ в большой степени способствуют его деградации: речь многих дикторов развлекательных, а иногда и аналитических программ неправильно построена, загрязнена словами-паразитами, словом, налицо все признаки ухудшения уровня речевой культуры самих дикторов. Так как телевидение, радио и пресса – уже неотъемлемые спутники большинства людей, то и речь последних начинает ухудшаться.

В постсоветский период в «логосфере» российской культуры произошли значительные изменения. На смену «осторожно-чистой, сверхправильной речи времен тоталитаризма» [4] пришел резко раскрепостившийся, свободный язык нового времени. Несомненными лидерами в языковой либерализации стали освободившиеся от цензуры средства массовой информации, которые радостно подхватывают речевые новшества и с не меньшим удовольствием изобретают свои собственные. Современные исследователи СМИ отмечают, что главными особенностями их языка являются: немотивированное использование новых иноязычных слов, лингво-суггестивное воздействие рекламных текстов, экспансия лексики малых социумов, языковая демагогия, метафоризация, создание специфической метафорической картины мира. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Язык СМИ – враг мой».

Средства массовой информации во многом определяют процесс деградации смыслов современной культуры, связанный с отказом от высоких, абсолютных ценностей, переструктурированием иерархической соподчиненности мотивов и целей, где главную роль играет постмодернистская модель «человека отдыхающего». Усеченная таким образом пирамида ценностей, где потребности тела человека центрируют его желания и устремления, оказывается закономерным продолжением ничшеанской революции, растворившей без остатка «небо» в «земле», где нет и тени трансцендентности. Реализация этой идеологии подготовила почву для превращения индивида из суверенного мыслящего и рефлексизирующего субъекта в манипулируемое – в руках современных магов-имиджмейкеров, пиарщиков, специалистов в области рекламы – существо. При этом наблюдается процесс примитивизации социокультурных коммуникаций. Еще Маклюэн отмечал, что аудиокультура была исторически первой, именно она обладает изначальным мощным суггестивным потенциалом. Кстати, согласно до сих пор не опровергнутой гипотезе Б. Поршнева, становление человека и общества, процесс антропогенеза напрямую коррелируется с механизмами суггестии и контрсуггестии, развитием лобных долей мозга и возникновением языка и речи. Синкретизм первобытной культуры проявляется в растворенности сознания индивида в сознании рода и включении его речи во взаиморезонирующую речь членов общины. Парадокс заключается в том, что современное телевидение возрождает «культуру слуха», ориентированную на формирование патерналистических установок массового сознания. По Маклюэну, избирательность зрения на несколько порядков превышает избирательность слуха – каждый видит по-своему, звуковой же ряд один на всех. Современные исследователи говорят о «клип-культуре» с ее принципиальной мозаичностью, насаждаемой современным TV. Она действует подобно гипнотизеру, вводящему пациента в гипнотическое состояние и устраняющему контроль зрительного анализатора. Ведь телевизионный видеоряд утомляет индивида подобно монотонному движению раскачивающегося блестящего шарика. Бесконечная череда рекламы, музыкальных и новостных клипов «гипнотизирует» зрителя, в результате чего наложение звучащего текста на видеоряд создает обманчивое впечатление полноты и достоверно-

сти преподносимой с экрана информации. В результате голос диктора, журналиста, политика полностью использует свои суггестивные возможности и создает основу для социального манипулирования, примитивизации массового сознания.

Французский философ-постмодернист Ж. Бодрийяр отмечал: «Критическая мысль оценивает и выбирает, она устанавливает различия и с помощью селекции заботится о смысле. Массы поступают иначе: они не выбирают, они производят не различия, а неразличность, требующему критической оценки сообщению они предпочитают погружающий в гипноз медиум. Гипнотическое состояние свободно от смысла, и оно развивается по мере того, как смысл остывает. Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. Использование гипноза – это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического массированного насилия – насилия над смыслом, насилия, отрицающего коммуникацию, основанную на смысле, и утверждающего коммуникацию иного рода» [5].

«Массированное насилие», о котором пишет известный французский философ, деформирует смысл, превращает систему ценностей индивида в однотонное бесформенное болото, где оказываются рядоположены и события, связанные с жизнью и смертью человека, и реклама мыла и жевательной резинки, и политические новости, и пустопорожние ток-шоу и т.д. Монотонность и неразличимость в качественном плане событий телемира выводит, как это ни странно, аудиоэффекты на уровень суггестивного воздействия, что превращает телеведущих в своеобразных колдунов и шаманов. Недаром А.Ф. Керенский, проживший в эмиграции долгую жизнь и успевший оценить эффект телевизионного воздействия на массовое сознание, с сожалением отмечал, что если бы в России в 1917 г. было телевидение, он никогда бы не отдал власть большевикам.

Ссылки:

1. Белоусова А.К. Общение в совместной мыслительной деятельности: теоретический анализ проблемы // Личность в деятельности и общении. Ростов н/Д, 1997. С. 69.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. С. 52.
3. См.: Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
4. См.: Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 43-44.

References (transliterated):

1. Belousova A.K. Obshchenie v sovmestnoy myslitel'noy deyatel'nosti: teoreticheskiy analiz problemy // Lichnost' v deyatel'nosti i obshchenii. Rostov n/D, 1997. P. 69.
2. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii. SPb., 2007. P. 52.
3. See: Dridze T.M. Sotsial'naya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatel'nost' v semio-sotsiopsihologii // Obshchestvenne nauki i sovremennost'. 1996. No. 3.
4. See: Kostomarov V.G. Yazykovoy vkus epohi. SPb., 1999.
5. Bodriiyar ZH. V teni molchalivogo bol'shinstva ili konets sotsial'nogo. Ekaterinburg, 2000. P. 43-44.